

Въ это время паницкій переулочекъ кончился, еще поворотъ, и усадьба открылась во всемъ своемъ величїи и красотѣ.

— Вотъ онъ и замокъ Монтъ-Реаль! — воскликнулъ батюшка, оживляясь. — Ба! Да у нихъ, кажется, гости...

Дѣйствительно, на террасѣ засѣдало цѣлое общество, сгруппировавшись вокругъ чайнаго стола. Познакомимся обстоятельно со всѣми.

Чай разливала „сама“; это была робкая, забитая женщина, безсловесная и покорная, находившаяся въ полномъ подчиненїи у мужа и своей блистательной дочери и вполнѣ признававшая надъ собою ихъ превосходство. Съ утра до ночи она только и дѣлала, что угождала имъ, — страпала, гладила, кормила, подметала, — и все это совершенно безропотно. Поодаль отъ нея, за особымъ столикомъ, сидѣлъ Полянский и курилъ табакъ изъ длиннаго чубука. Всякій, кто слышанъ былъ о его крутомъ нравѣ и энергичныхъ дѣйствїяхъ, почему-то представлялъ его себѣ мужчиной огромнаго роста, съ могучимъ, потрясающимъ басомъ, свирѣпыми усищами и свободными тѣлодвиженїями, однимъ словомъ, чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ, нынѣ уже отживающихъ, бурбоновъ, при взглядѣ на которыхъ всегда приходило на память извѣстное стихотворенїе Давыдова: „Бурцевъ-ѣра, забіяка“ и воинственные звуки „Крамбамбули“. Но, при ближайшемъ знакомствѣ, cadaго ждало полнѣйшее разочарованїе: на самомъ дѣлѣ, Левъ Егорычъ былъ крошечный, сухенькій, весьма подвижной человѣчекъ, съ маленькимъ личикомъ, исписаннымъ множествомъ морщинъ и напоминавшимъ старую лайковую перчатку, съ скверной клочковатой бороденкой и какимъ-то длиннымъ завитымъ кокомъ на лбу, дѣлавшимъ его похожимъ на франтовъ 20-хъ годовъ. При всемъ этомъ онъ говорилъ чрезвычайно пискливымъ голоскомъ, а когда ему приходила охота посмѣяться, изъ горла у него вылетали какіе-то странные, шипящіе и свистящіе звуки. Напротивъ его, въ широкомъ мягкомъ креслѣ, изнемогала подъ бременемъ своей толщины вдова Марья Ивановна Фирсова. Это была дебелая, что называется, „налитая“ барыня лѣтъ уже порядочно за 40. Впрочемъ на видъ она казалась гораздо моложе отъ своей полноты, а главное отъ манеры одѣваться всегда въ свѣтлое — голубое, розовое. Рядомъ съ высокой, стройной Агнесой, облеченной въ суровое полотно, гарнированное черными кружевами, она казалась „старою“ дѣвочкой. Вышла она замужъ за 60-ти-лѣтняго старика, и потому осталась какою-то неудовлетворенной и вѣчно жаждущей любви. Влюблялась она постоянно и непремѣнно въ самыхъ молоденькихъ; влюблялась въ cadaго встрѣченнаго на